
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК: 159.9.07; 316.6

DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-168-199

ОБРАЗЫ-ИДЕАЛЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СООТНЕСЕНИИ С НАСТОЯЩИМ, ВОЗМОЖНЫМ И АНТИ-ИДЕАЛЬНЫМ

И. А. Николаева

*Институт развития образования и социальных технологий, Курган, Россия.
E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru*

Аннотация. *Введение.* Изучение идеалов молодежи представляет традиционный интерес в связи с тем, что они дают понимание ценностей и социальных ориентиров молодежи, определяющих выбор будущего и текущего социального поведения. Идеалы являются компонентом единого образа мира во взаимосвязи с актуальным (настоящим), возможным/невозможным и анти-идеальным как фундаментальными модусами человеческого бытия. Соотнесение идеалов с указанными категориями раскрывает их функциональные возможности как регуляторов социального поведения. Наиболее полно данная система категорий применяется в теориях Я-концепций и идентичности личности. Однако пока отсутствует изучение данных категорий как единой оценочно-регулятивной психологической системы в изучении образа социального мира молодежи.

Цель статьи – изучение идеалов студенческой молодежи в контексте желаемого/настоящего, возможного/невозможного, допустимого/недопустимого (анти-идеального).

Методология, методы и методики. Объектом исследования стали образы «других людей» с социально-групповыми и характеристическими признаками, свободно воспроизводимые студентами. Участники онлайн-исследования: 284 студента-второкурсника, которые воспроизвели 6 472 образа «других людей» и дали им 13 961 характеристический признак. Для выявления имплицитной структуры искомых категорий респонденты оценивали «других» на неградуированной шкале «Низшее» (анти-идеальное) – Я – «высшее» (идеальное). Имплицитная структура включает: идеалы-эталоны; образы желаемого-возможного; образы настоящего (равноценные Я); образы нежелательного, но возможного и допустимого; образы недопустимого (анти-идеалы). Сравнение идеалов-эталонов с другими оценочно-регулятивными категориями выполнено по трем параметрам: 1) частота актуализации в сознании (актуальность); 2) социально-групповая (институциональная) специфика; 3) ценностное содержание характеристических признаков.

Результаты. Определена частота актуализации образов: идеалы-эталоны (7,9 %), настоящее (15,4 %), желаемое-возможное (21,9 %), нежелательное, но возможное и допустимое (44,9 %), анти-идеалы (5,6 %). Частота отражает актуальность категорий в общей оценочно-регулятивной системе и вероятность их появления в сознании студентов в ситуации неопределенности. Выявлено, что социально-институциональная специфика идеалов заключается в преобладании старших и женских образов, образов родственников, родителей и представителей науки. Приоритетность «близких» объединяет идеалы-эталоны с составом настоящего, а ориентация на «далеких» – с составом анти-идеалов. Установлено ценностное содержание идеалов-эталонов, репрезентирующее иерархию личностных ценностей студентов: 1) центральные ценности – коммуникативные и альтруистические; они с равной частотой отражены во всех регулятивных категориях; 2) первый уровень значимости – ценности познания; их актуальность возрастает в образах возможного-желаемого; 3) второй уровень – ценности достижения, борьбы и риска, практической деятельности, физических данных и комфорта; их актуальность возрастает в образах возможного (желаемого и нежелательного); 4) третий уровень – ценности социальной нормативности; их актуальность возрастает для анти-идеалов. Образы настоящего указывают на низкую актуальность борьбы, риска и достижений. Образы возможного соответствуют идеалам по содержанию ценностей и отражают ценности второго уровня наиболее конкретно и дифференцировано. Наиболее часто актуализируются образцы нежелательного возможного.

Научная новизна. Ценности и социальные атрибуты идеалов рассмотрены в соотношении с категориями настоящего, возможного (желательного и нежелательного), анти-идеального. Описаны количественные соотношения данных категорий в актуальном сознании молодежи.

Практическая значимость. Результаты целесообразно использовать для анализа и прогнозирования социального поведения молодежи.

Ключевые слова: идеалы молодежи, ценности, настоящее, возможное-желаемое, возможное-нежелательное, анти-идеалы.

Благодарности. Автор выражает благодарность д. психол. н., профессору Р. В. Овчаровой за организацию проекта по изучению социализации молодежи, в рамках которого проведено данное исследование, и за помощь в исследовании; также автор благодарит ст. преп. Ю. А. Малюшину и О. Братчикову за помощь в онлайн-диагностике студентов. Статья подготовлена при поддержке РФФИ и за счет финансирования правительством Курганской области (грант № 19-413-450002\20). Автор выражает искреннюю признательность за внимание к рукописи и ценные замечания рецензентов журнала «Образование и наука».

Для цитирования: Николаева И. А. Идеалы студенческой молодежи в соотношении с настоящим, возможным и анти-идеальным // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 4. С. 168–199. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-168-199

THE IDEALS OF STUDENT YOUTH IN RELATION TO THE PRESENT, POSSIBLE AND ANTI-IDEAL

Irina A. Nikolaeva

Institute for the Development of Education and Social Technologies, Kurgan, Russia.

E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* The study of youth ideals is of traditional interest because they provide an understanding of youth values and social orientations, which determine the choice of future and current social behaviour. Ideals are a component of a single image of the world; they are interrelated with the actual (present), possible/impossible and anti-ideal as fundamental modes of human existence. The correlation of ideals with these categories reveals their functionality as regulators of social behaviour. The theories of self-concepts and identity most fully use this system of categories. However, there is still no research of these categories as a single functioning system when studying the image of the social world of young people.

Aim. The aim of the current research is to study the ideals of student youth in the context of the desired/present, possible/impossible, and permissible/unacceptable (anti-ideal).

Methodology and research methods. The object of research is images of “other people” with socio-group and characteristic features, freely reproduced by students. The online study involved 284 second-year students; they reproduced 6472 images of “others” and attributed 13961 features. To identify the implicit structure of the desired categories, the respondents evaluated “others” on an ungraded scale of “Bottom” (anti-ideal) – Self – “Top” (ideal). The implicit structure includes ideals; images of the present (equivalent Self); images of the desired-possible; images of the undesirable, but possible and permissible; images of the unacceptable (anti-ideals). The author compared the ideals with other evaluative and normative categories by three parameters: 1) the frequency of actualisation in consciousness (relevance); 2) socio-group (institutional) specificity; 3) the value-added content of characteristic features.

Results. The frequency of updating images was determined: ideals (7.9%), present (15.4%), desirable-possible (21.9%), undesirable, but possible and permissible (44.9%), anti-ideals (5.6%). Frequency reflects the relevance of categories in the general evaluation and regulatory system, and the probability of their occurrence in students’ minds in a situation of uncertainty. The socio-institutional specificity of ideals lies in the predominance of older and female images, images of relatives, parents and representatives of science. The priority of “loved ones” combines ideals-standards with the composition of the present, and orientation to “distant ones” as anti-ideals. It was found that the content of the ideals represents the hierarchy of personal students’ values and includes several levels: 1) central values are communicative and altruistic; they have the same frequency in all the compared categories; 2) the first level of significance is the values of knowledge; their relevance increases in terms of the possible-desired; 3) the second level is the values of achievement, struggle and risk, practical activity, physical data and comfort; their relevance increases in the samples of the possible (desirable and undesirable); 4) the third level is the values of social normativity; their relevance increases for anti-ideals. The images of the present indicate a low relevance of struggle, risk and achievements. The images of the possible correspond to ideals in the content of values, and reflect the values of the second level most specifically and differentiated. The most relevant are the samples of the undesirable possible.

Scientific novelty. The values and social attributes of ideals are considered in relation to the categories of the present, possible (desirable and undesirable), anti-ideal. Quantitative relations of these categories in the current consciousness of young people are described.

Practical significance. The results are useful for analysing and predicting the social behaviour of young people.

Keywords: youth ideals, values, present, possible-desirable, possible-undesirable, anti-ideals.

Acknowledgements. The author thanks Dr. Sci. (Psychology), Professor R. V. Ovcharova for helping to conduct the study and for organising the project to study the process of socialisation of young people, according to which the author performed the present study. The author also thanks Yu. A. Malyushina and O. Bratchikova for their help in online diagnostics of respondents. The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and funded by the Government of the Kurgan Region (grant №19-413-450002\20). The author expresses her sincere gratitude to the reviewers of the Education and Science Journal for the attention to the manuscript and valuable comments.

For citation: Nikolaeva I. A. The ideals of student youth in relation to the present, possible and anti-ideal. *The Education and Science Journal*. 2022; 24 (4): 168–199. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-4-168-199

Введение

Изучение идеалов молодежи представляет традиционный интерес в связи с тем, что они дают понимание ценностей и социальных ориентиров молодежи, определяющих выбор будущего и текущего социального поведения. Поскольку идеалы сами по себе не обеспечивают достижение перспективных целей и не являются единственными мотиваторами социального поведения, психологи стремятся расширить зону исследования, связать идеалы с другими регулятивными компонентами.

Специфика данной работы заключается в попытке системного рассмотрения идеалов молодежи как компонента единого образа мира во взаимосвязи с актуальным (настоящим), возможным/невозможным и анти-идеальным как фундаментальными модусами человеческого бытия. Данную теоретическую схему анализа мы заимствуем из системного философского представления об идеалах. Идеал как философская категория в формулировке Р. Г. Апресяна означает «высшую степень ценного и наилучшего» (желаемого и должного), в противопоставлении с сущему (действительному, настоящему), к анти-идеальному (недолжному, недопустимому) и в соотношении с возможным [1].

Категории идеального/действительного (наличного), желаемого и должного, возможного/невозможного, допустимого/недопустимого – универсальные антропологические измерения, атрибуты переживания и ос-

мысления человеком своей жизнедеятельности. В этих оппозициях раскрывается мотивационная и регулирующие функции идеалов. Один источник регулятивной функции идеала – это социальные требования должного/недолжного, допустимого/недопустимого, закрепленные в образах и принципах идеального и анти-идеального. Другой источник идеального – это индивидуальные потребности, воплощенные в идеализированных образах желаемого; они связаны с оценкой настоящего и могут совпадать или не совпадать с ним. Степень различия или совпадения идеала с настоящим дает объяснение мотивирующей силы идеала, стремления к изменению либо сохранению настоящего. Важный модус регуляторной функции идеалов – это возможности и ограничения, которые даны индивидуальному сознанию как достижимость, осуществимость либо невозможность осуществления идеалов. Являются ли идеалы фантазийными, уводящими от действительности? Выполняют ли они скорее компенсаторную терапевтическую функцию? Или они включены в реальные цели деятельности?

На эти вопросы мы можем ответить, если рассматриваем идеалы в системе вышеназванных философских оппозиций – в системе фундаментальных модусов человеческого бытия, которые определяют природу единой психологической системы, регулирующие жизнедеятельность и социальное поведение.

«Разорванную» или неполную систему регуляции мы наблюдаем, когда видим человека, живущего только «прекрасным далёко», или погруженного в текущую насущных задач, или видящего смысл в непрерывной борьбе со Злом, либо живущего по принципу «как бы чего не вышло». Мы полагаем, что идеалы в составе полной, взаимосвязанной системы могут иметь различный регулятивный потенциал, обусловленный соотношением компонентов данной системы.

Основной целью исследования является изучение идеалов студенческой молодежи в соотношении с реальным (настоящим), возможным/невозможным, допустимым/недопустимым (анти-идеальным).

Главные исследовательские вопросы, поставленные в работе:

1. Насколько модус идеального является актуальным для бытия студентов в сравнении с модусами настоящего, возможного/желательного, возможного/нежелательного, анти-идеального? Насколько часто студенты в своих мыслях обращаются к образам-идеалам по сравнению с образами других категорий?

2. В чем состоит: а) социально-ролевая, институциональная специфика образов-идеалов молодежи; б) содержание ценностей, воплощенных в образах-идеалах по сравнению с образами настоящего, возможного и анти-идеального?

Особенности и новизну работы составляет объект исследования – содержание актуального сознания молодежи, представленное образами других людей, которых вспоминают респонденты. Каждый персонализированный образ другого имеет свое «место» в системе указанных категорий, содержит имплицитную информацию о социальной (институциональной принадлежности), о личностных ценностях респондента. Массив персонализированных образов позволяет ответить на главные исследовательские вопросы. Новизну и ключевую роль в исследовании выполняет авторская процедура сбора данных, в которой используется графическая шкала «Идеальное – Я – Анти-идеальное» для имплицитного разделения образов на искомые категории.

Ограничения исследования связаны со способом сбора и обработки данных. Способ выделения категорий идеального, анти-идеального, реального, настоящего («равноценные мне»), возможного-желаемого («лучше, выше меня»), возможного-нежелательного («хуже, ниже меня») является визуальным с использованием графической метафоры «Анти-идеальное (нижнее) – Я – Идеальное (высшее)». Данный методический прием, с одной стороны, является преимуществом, т. к. позволяет избежать рефлексивных искажений и дает доступ к имплицитным оценкам и установкам студентов. Но в силу его новизны необходимо продолжать изучение данного приема.

Другое ограничение связано с анализом ценностного содержания в образах других людей. Каждый характеристический признак персонализированных образов был отнесен только к одной ценностной категории, хотя многозначность языка предполагает и многозначность ценностного содержания, воплощенного в слове или выражении. Мы сочли возможным все же проанализировать результаты, учитывая большой объем полученных данных и трудоемкость изменения программного обеспечения. Данная особенность автоматизированной процедуры должна быть преодолена в последующих исследованиях.

Обзор литературы

Начиная с 2010 года база Web of Science в области исследований образования насчитывает более 450 публикаций с ключевым словом «идеалы». При этом в области образования, социологии и возрастной психологии только около 30 публикаций посвящены изучению идеалов молодежи. Наибольший интерес психологи проявляют к «идеальному Я» (Ideal Self) – 130 публикаций в области образования, социальной и междисциплинарной психологии, а также к «возможному Я» (Possible Self) – около 170 публикаций в этих областях.

Наиболее полно система искомых категорий в психологии конкретизирована в 80-е гг. прошлого века R. D. Fogelson [2], E. T. Higgins [3, 4] и H. Markus, P. Nurius [5] применительно к образу «Я».

В теории R. D. Fogelson рассмотрено четыре вида идентичности: реальная, идеальная (каким я хочу быть), негативная, вызывающая страх (каким я не хочу быть) и предъявляемая (образы, предъявляемые окружающим). Функционирование данных аспектов осуществляется как «борьба идентичностей» [2].

В концепции E. T. Higgins основные различия проводятся в аспектах «актуальных Я» (actual selves), желательных или «идеальных Я» (ideal selves), отражающих индивидуальные желания и потребности, и «должного Я» (ought self), воплощающего социальные обязательства. Основой регуляции является расхождение: между актуальным и идеальным «Я», оно проявляется в эмоциях печали и уныния; а расхождение между актуальным и должным «Я» – в эмоциях страха и тревоги, которые мотивируют человека уменьшить расхождения [3]. Ориентация на «возможное/желательное Я» либо на «возможное/нежелательное» обуславливает специфику «регуляторного фокуса», который ориентирует человека на «продвижение» (promotion focus) либо «предупреждение» (prevention focus) [4].

В концепции H. Markus и P. Nurius выделены «возможные желаемые Я» (desired possible selves) и «возможное избегаемое Я» (afraid of becoming Self). Авторы подчеркивают различие между целевыми эталонами «возможного Я» и образцами, конкретизирующими их достижение, – это Я-схемы, стратегии, сценарии, описывающие способы достижения или избегания «возможных Я». Мысленное экспериментирование с этими компонентами осуществляется в «рабочей концепции Я» в связи с социальным контекстом [5].

В литературе последнего десятилетия выделяется концепция мотивирующей идентичности (Identity-Based Motivation) D. Oyserman. Она подчеркивает мотивационную роль «негативного Я», необходимость баланса возможного-позитивного и возможного-негативного «Я», а также различия между «настоящим Я» (current self) и «возможным Я» [6], доказывает необходимость детализированных конкретных образцов на пути достижения [7]. «Будущее Я» (Future Self) является частью «возможного Я», при этом воплощение желаемых образов в реальном поведении зависит от связанности будущего и текущего «Я» («linked to current “me” via if-then») [8].

Достижимость и субъективная близость настоящего и будущего «Я» является центральной идеей большинства современных работ, посвященных «идеальному Я». Согласно O. Urminsky, осознание значительного различия между «настоящим Я» и «будущим Я» объясняет отказ людей от крупных перспектив [9]. H. E. Hershfield показывает, что осознание степени связи между идеалом и «настоящим Я» и возможных «жертв» «настоящему Я» облегчает принятие долгосрочных решений и делает решения более благоразумными [10]. E. Ю. Василевская и O. Н. Молчанова в своем обзоре указывают основ-

ные параметры «возможного Я», среди которых эмоциональная валентность, баланс, наличие или отсутствие стратегии достижения «возможного Я», артикуляция, воспринимаемая эффективность, субъективная значимость, частота актуализации [11]. L. B. Haskins и M. R. VanDellen предлагают два механизма, усиливающих влияние «идеальных возможных Я» на текущее поведение: за счет повышения яркости «идеального возможного Я» (*vividness of the ideal possible self*) и за счет приверженности «идеальному возможному Я» (*commitment to the ideal possible self*) [12].

В литературе мы видим явный «перевес» интереса в сторону «возможного Я» в решении практических задач по формированию академической успешности и социализации студентов и школьников. Так, D. Oyserman использует мотивацию «идеального Я» для укрепления высоких устремлений учащихся из социальных меньшинств. В результате сокращаются расовые различия в академических достижениях [7]. Также автор подчеркивает роль возможного-негативного «Я» в профилактике асоциального поведения [6]. W. H. Wu, W. Cheng и W. B. Chiou экспериментально подтверждают, что эпизодическое мышление о будущем с акцентом на «идеальном Я» повышает устойчивость молодежи к ситуативному преступному поведению и мошенничеству [13]. L. Wainwright, C. Nee, A. Vrij отмечают, что воспитание позитивного «будущего Я» и обдумывание стратегий достижения целей в середине подросткового возраста дает многообещающие результаты в снижении криминогенного риска [14]. Согласно исследованиям C. Nurra и D. Oyserman, связь между «настоящим Я» и «будущим взрослым Я», видение школы как пути к нему повышает школьную вовлеченность и успеваемость учащихся [15]. G. Oettingen и D. Mayer отмечают, что достижимость желаемого определяет количество усилий при подготовке студентов к экзаменам и полученный результат [16]. E. Nogowitz с соавторами показывает, что увеличение ориентации на школу в «возможном Я» прямо связано с ростом академических оценок [17]. Согласно результатам опросов J. Lee, рост академических достижений подростков в течение семестра не связан прямо с уровнем их достижений, но опосредован «академическим возможным Я» и текущей саморегуляцией [18].

Как показывают Я. В. Дидковская и Д. В. Трынов [19], В. В. Гаврилюк с соавторами [20], соотношение желаемого и ожидаемого будущего, достижимость идеалов является основой социального оптимизма-пессимизма.

Таким образом, оппозиции идеального/реального (настоящего), возможного (желательного и нежелательного), /должного/недопустимого и их производные имеют опыт конкретизации исследователями как структурообразующие аспекты в представлениях человека о себе и как оценочно-регулятивные структуры в жизнедеятельности и социальном поведении.

Особенное внимание уделено соотношению идеального и возможного. Однако акцент на возможном – то есть на реализуемости, достижимости идеалов – отодвинул на второй план остальные аспекты единой регулятивной системы. Мы предлагаем рассмотреть идеалы в единой системе названных оценочно-регулятивных категорий (модусов бытия).

Персонализированные образы других людей как объект исследования идеалов. Согласно мнению Р. Г. Апресяна, идеалы могут иметь форму абстрактной модели, принятого стандарта или персонифицированного образа [1]. Персонифицированный образ – наиболее ранняя форма идеалов. Персонифицированные образы-идеалы воплощают индивидуальные ценности, не требуя осознания последних. Чувственный, конкретный характер персонифицированных образов обеспечивает сравнение себя с идеальным образом и подражание ему, тем самым моделирование собственного поведения.

Сознание человека содержит массив доступных персонализированных образов – образов реальных людей «близкого» и «далекого» круга общения, а также образы нереальных вымышленных персонажей. Как отмечают L. D. Frazier, B. L. Schwartz, J. Metcalfe, каждый образ из этого массива осознанно или неосознанно проходит через сравнение с «Я» [21] и через оценочные фильтры личностных ценностей, является носителем избирательного отношения и категоризируется в соответствии с эксплицитными и имплицитными представлениями индивида о социальном мире. И. А. Николаева показала, что весь массив образов, доступных сознанию индивида, репрезентирует его образ социального мира и его индивидуальную ситуацию развития [22].

Образы других, доступные актуальному сознанию, – это «материал» для последующей идентификации субъекта с ними, «промежуточное звено» между реальным социальным миром и построением Я-концепции. Массив персонализированных образов должен иметь ту же имплицитную категориальную структуру, но отличается оценочно-регулятивной направленностью. Если Я-концепция мотивирует и регулирует поведение по самосовершенствованию, то образы других не только побуждают конструировать и реконструировать образ «Я», но также мотивируют и регулируют адаптацию к социальному миру и его преобразование.

Задавая конечные цели, модели «должного» в социальном мире и жизни человека, идеалы составляют лишь часть всего массива персонализированных образов, доступных сознанию. Поэтому объектом исследования будет служить весь массив образов других людей, доступных сознанию респондентов.

Видовое разнообразие образов-идеалов также связано с их осуществимостью. В классической работе «Об идолах и идеалах» Э. В. Ильенков выделил следующие формы идеалов: идол, эталон и образец [23]. Идеал как идол – персонифицированный объект поклонения, воплощает недостижи-

мое, объясняет фанатичную приверженность человека вплоть до девиаций социального поведения. Идеал-эталон воплощает цель, желаемое. Идеал-образец представляет совпадение желаемого и возможного, доступен повторению и подражанию, действиям «по образцу», регулирует текущую деятельность и поведение в соответствии с критериями образца. В нашем исследовании данное разделение будет учтено в интерпретации и анализе результатов. Идеалы-эталоны – это образы других, воплощающих трудно достижимое или недостижимое идеальное. Образцы – это образы других, которые относятся к категории возможного или настоящего.

Мысленное обращение к тем или иным образам обусловлено контекстом ситуации. В частности, D. Oyserman показала, что ориентация на «возможное Я» мотивируется контекстом [24]. В этой связи контекст экспериментальной ситуации будет иметь решающее значение для ответа на исследовательские вопросы.

Методология и методы

Методология исследования базируется на системных представлениях о природе и функционировании идеалов. Учтены принципы единства социального и индивидуального, единства сознания и деятельности, сознательного и бессознательного.

Мы использовали авторскую исследовательскую процедуру [22, с. 60–76] в электронном варианте.¹ Обоснование данной процедуры и эмпирические данные по ее валидации представлены нами ранее на выборках школьников [22] и на выборках педагогов [25, 26].

Процедура включает свободное воспроизведение образов других людей, в процессе которого респонденты «вычерпывают» все легко припоминающиеся (наиболее доступные сознанию²) образы других людей и записывают их для последующего атрибутирования признаков и оценки.

Чтобы избежать влияние специфического контекста, экспериментальная ситуация задавалась как ситуации неопределенности, аналогично проективному «чистому листу». Студентам было предложено обратиться к образам других людей, которые будут «приходить в голову», для лучшего понимания себя, своего сознания. Анонимность и добровольность участия, электронная форма выполнения задания студентами на своем смартфоне, электронная характеристика – все это устраняет влияние экспериментатора, создает отсутствие каких бы то ни было социальных ожиданий и позво-

---

¹Пилотная электронная версия сбора и обработки данных. Программное обеспечение О. С. Черепанова и А. В. Маера. Режим доступа: <http://www.psi-prod.poas45.ru/>

²В данном случае доступность сознанию является критерием актуальности образов для респондентов.

ают студентам самим конструировать наиболее актуальные для них смыслы и мысленно обращаться к наиболее актуальным образам.

Вся работа респондентов занимает от 20 до 40 минут, что зависит от желания респондента продолжать припоминание других людей, и включает 3 этапа:

1) Составление списка персонализированных образов, доступных актуальному сознанию (в инструкции: запишите как можно больше людей, которые «приходят в голову»).

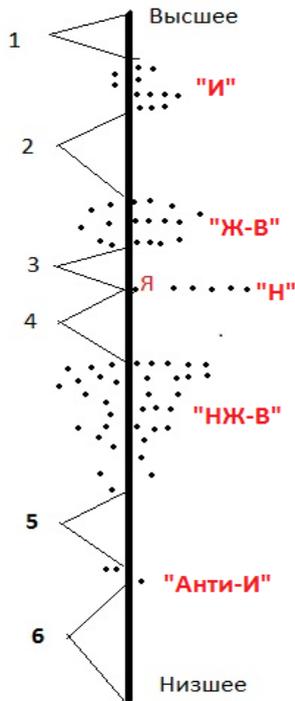
2) Выбор для каждого «персонажа» не менее трех социально-ролевых (институциональных) атрибутов из предложенного списка (список атрибутов включает: старше/не старше; женский/мужской пол; Курганская область; зарубежье; родители; родственники; работники школы, вуза; одноклассники (студенты); представители искусства и литературы/науки/спорта/политики/армии/бизнеса/шоу-бизнеса; герои книг и фильмов; герои компьютерных игр; друзья) и приписывание персонажу характеристических признаков (в инструкции: напишите, что можете сказать о каждом человеке – одним-двумя словами).

3) Оценка персонажей на неградуированной вертикальной шкале «анти-идеальное – Я – идеальное» (в инструкции: отметьте на шкале «анти-идеальное – идеальное» место для «Я». Затем разместите на шкале всех «персонажей», никого не пропуская. Персонажи могут занимать одно и то же место на шкале).

Шкала «анти-идеальное – Я – идеальное» совпадает с культурной метафорой «низшее-высшее», и используется как неградуированный вертикальный отрезок с тремя «полюсами» (рисунок 1). Данная шкала визуализирует имплицитные ценностные отношения студентов к себе и другим.

Шкала позволяет передать эти отношения без глубокой рефлексии и вербального присвоения категорий идеального, реального, возможного желательного/нежелательного и т. п. Сознательная категоризация и вербализация сделали бы процесс оценки образов не столь естественным, гораздо более трудоемким для респондентов и могли исказить имплицитные оценки.

В сформированных ценностных отношениях идеалы представлены группой образов, расположенных ближе других к полюсу «идеальное, высшее». Образы анти-идеалов расположены ближе других к полюсу «анти-идеальное, низшее». Образы «рядом с Я» интерпретировались как настоящее; образы, сгруппированные «выше Я», но дистанцированные от максимально высокой группы, трактовались как возможное-желательное; образы, сгруппированные «ниже Я», но дистанцированные от «анти-идеальной» группы, трактовались как возможное-нежелательное. При этом мы использовали допущение, что отсутствие образов в верхней четверти шкалы свидетельствует об отсутствии образов-идеалов, а отсутствие оценок в нижней четверти шкалы – об отсутствии образов-анти-идеалов.

"И" – образы-идеалы – желаемое, но трудно достижимое или невозможное / The images of the *ideals* - desirable, but difficult to achieve or impossible;
 "Ж-В" – образы *желаемого-возможного* / The images of the *desired-possible*;
 "Н" – образы *настоящего*, равноценные Я / The images of the *present*, equivalent to the Self;
 "НЖ-В" – образы *нежелательного, но возможного и допустимого* / The images of the *undesirable, but possible and permissible*;
 "Анти-И" - образы-*анти-идеалы* - нежелательное и недопустимое / The images – *anti-ideals* – undesirable and misunderstood.
 1– Степень «абсолютности» *идеалов* / The distance, the inverse of the "absoluteness" of *ideals*;
 2– «Достижимость *идеалов*»: различие между *желаемым-идеальным* и *желаемым-возможным* / The inverse of the "attainability of ideals": the difference between "*desirable-ideal*" and "*desirable-possible*";
 3– Различие между *настоящим* и *желаемым-возможным* / The difference between the *present* and the *desirable-possible*;
 4– Различие между «*настоящим*» и «*нежелательным, но возможным и допустимым*» / The difference between the *present* and "*the undesirable, but possible and permissible*";
 5– «Недопустимость *анти-идеалов*»: различие между «*нежелательным, но возможным и допустимым*» и «*недопустимым*» / "Inadmissibility of the *anti-ideals*": the difference between "*the undesirable, but permissible*" and "*the unacceptable*";
 6– Степень «абсолютности» «*анти-идеалов*» / The degree of "*absoluteness*" of the "*anti-ideals*".

Рис. 1. Типичное распределение персонажей на шкале «низшее (анти-идеальное)» – Я – «высшее (идеальное)». Персонажи обозначены точками¹

Fig. 1. The typical distribution of the characters on the scale “Bottom (anti-ideal) – Self (Я) – “Top” (ideal)». The dots represent the characters

Актуальность идеалов и других оценочно-регулятивной категории определялась количеством (в %) соответствующих персонализированных образов по отношению к общему количеству персонажей, воспроизведенных респондентами.

Социально-ролевая специфика идеалов-эталонов и других оценочно-регулятивных категорий устанавливалась как частота (в %) социально-ролевых и институциональных атрибутов соответствующих персонажей по отношению к общему количеству персонажей.

¹ Рисунок из публикации: Николаева И. А. Антропологические категории как операторы пространственного и ценностного измерения // Первый национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике (CAICS-2020). Москва, 2020 (в печати). Подписи к рисунку обновлены.

Содержание ценностей соответствует семантике характеристических признаков персонажей в изучаемых модусах. Классификация ценностей, используемая для контент-анализа, представлена в табл. 4; содержание ценностей классифицировано в соответствии с категориями эмоциональной направленности Б. И. Додонова.¹

Приоритетность ценностей в ценностной иерархии определялась по частоте характеристических признаков, репрезентирующих каждую ценностную категорию, относительно общего количества признаков.

Участники исследования – 284 студента-второкурсника гуманитарных и технических специальностей (116 юношей, 168 девушек). Каждый студент мог добровольно, анонимно и однократно выполнить задание на своем смартфоне, после чего каждый автоматически получал в электронной форме индивидуальную характеристику и добавочные баллы за учебную работу. Суммарно студенты воспроизвели 6 472 персонализированных образов других людей, отметили 13 961 характеристических признаков, которые проанализированы далее в результатах исследования.

Результаты исследования

1. *Соотнесение актуальности идеалов-эталонов и идеалов-образцов в сознании молодежи.* Полученное соотношение персонализированных образов по основным оценочно-регулятивным категориям представлено в таблице 1 и на рисунке 2. Подчеркнем, что пропорция, представленная в таблице, является статистическим усредненным соотношением. Индивидуальные пропорции могут значительно различаться.

Как следует из таблицы, более 40 % респондентов вовсе не обнаружили идеалы-эталоны и образцы желательного-возможного. Данный результат мы связываем, в частности, с крайней переоценкой «Я». Завышенная самооценка в данной выборке зафиксирована у 56,9 % респондентов. 47 % респондентов не имеют эталонов-анти-идеалов.

Мы полагаем, что эти студенты либо не сталкиваются с высоко значимыми препятствиями, либо вытесняют их и не имеют актуальной мотивации «к борьбе» за идеалы. Образы настоящего («равноценные Я»), отсутствуют у 22,4 % респондентов, что мы интерпретируем как чувство уникальности «Я». Регуляция социального поведения в связи с переживанием «уникального Я» может иметь формы отстраненности и ухода, либо повышенной демонстративности. Данные гипотезы требуют дальнейшей проверки.

---

¹ В контент-анализе использованы и дополнены категории эмоциональной направленности Б. И. Додонова: Додонов Б. И. Эмоция как ценность. М.: Политиздат, 1978. 272 с

2. Социально-ролевая и институциональная принадлежность идеалов-эталонов в соотношении с другими оценочно-регулятивными категориями. Частота каждой категории атрибутов вычислялась относительно количества образов, актуализированных респондентом. Поскольку каждый персонаж является носителем нескольких социальных атрибутов, то сумма процентов социальных атрибутов превышает 100 %.

Таблица 1

Распределение персонализированных образов сознания (n=6472) по оценочно-регулятивным категориям шкалы «Анти-идеальное – Я – Идеальное»

Table 1

Distribution of images of people (n=6472) by evaluation-regulatory categories of the scale "Anti-ideal – Self – Ideal"

Наименование категории / Categories of images of people	Объем категории (% от общего кол- ва персонажей n=6472) / Category volume (% of the total number of characters n=6472)	Респонденты, не указавшие кате- горию (% , n=284) / Respondents who did not specify a category (%, n=284)
Идеалы-эталоны: желаемое, должное, но труднодостижимое / The images of the ideals: desired, due, but difficult to achieve	7.90	41.55
Образцы желаемого-возможного («лучше меня») / The images of desired -possible («better than me»)	21.90	41.55
Образцы «настоящего» («равноценные мне») / The images of the present («equivalent to me»)	15.37	22.54
Нежелательное, но возможное и допустимое («хуже, ниже меня») / The images of undesirable, but possible and permissible («worse, lower than me»)	44.88	16.20
Эталоны-анти-идеалы: нежелательное, недолжное и недопустимое / The images of the anti-ideals: undesirable, improper and un-acceptable	5.64	47.18
Оценки «вышесреднего» / «Above average» ratings	66.99	2.10

Полученная пропорция изучаемых категорий образов представлена далее на диаграмме (рис. 2).

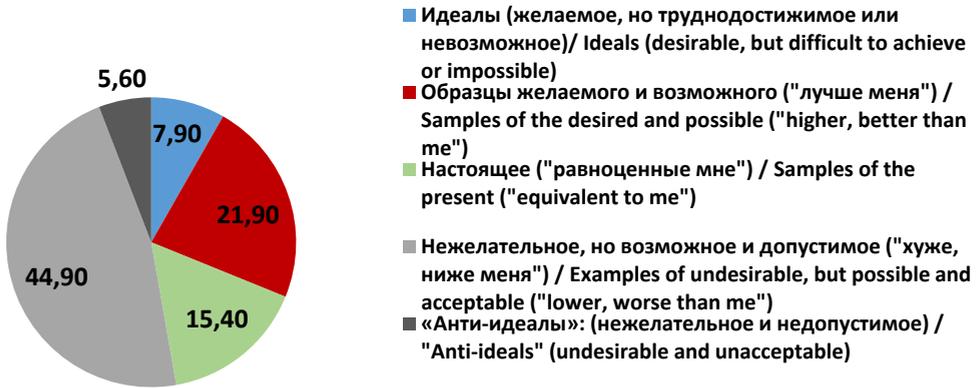

Рис. 2. Частота воспроизведения (в %) персонализированных образов, отнесенных к разным оценочно-регулятивным категориям

Fig. 2. The frequency of reproduction (%) of images of other people assigned to different evaluative and regulatory categories

Для соотношения частоты социальных атрибутов в идеалах-эталонах и других оценочно-регулятивных категориях мы разделили все данные на две группы: с более высокой и с более низкой частотой социальных атрибутов для идеалов-эталонов при попарном сравнении с другими оценочно-регулятивными категориями.

Представим сначала тенденцию к более высокой частоте социальных атрибутов в идеалах, что будет объяснять высокую актуальность этих атрибутов для данной категории (табл. 2, рис. 3).

Таблица 2

Социально-ролевые и институциональные атрибуты персонализированных образов сознания (n=6472), преобладающие в категории идеалов

Table 2

Socio-role and institutional attributes of personalized images of consciousness (n=6472) prevailing in the category of ideals

	Частота социально-ролевых и институциональных атрибутов по отношению к количеству персонажей в данной категории (%) / Frequency of socio-role and institutional attributes in relation to the number of characters in this category (%)					
Наименование социальной роли (группы, института) / The name of the attributes of social role and institutional affiliation	Среднее количество персонализированных образов по выборке (%) / Average number of personalised images in the sample (%)	Идеалы-эталоны (желаемое, но труднодоступное или невозможное) / Ideals (desirable, but difficult to access or impossible)	Образцы желаемого и возможного («выше, лучше меня») / Images of the desired and possible («higher, better than me»)	Образцы настоящего («равноценные мне») / Images of the present («equivalent to me»)	Образцы нежелательного, но возможного и допустимого («ниже, хуже меня») / Images of the undesirable, but possible and permissible («lower, worse than me»)	Эталоны «анти-идеального» (нежелательное и недопустимое) / Images of the «anti-ideal» (undesirable and unacceptable)
Старше / Older	43.82	51		40	40	48
Женский пол / Female	31.89	35			33	23
Курганская область / Kurgan region	27.94	30	25			25
Родственники / Relatives	15.44	30	15	27	15	8
Герои книг, фильмов / Heroes of books, films	21.03	28	22	9	19	27
Родители / Parents	6.26	18	7	10	4	3
Искусство, литература / Artists, writers	10.88	14	14	10	11	10
Зарубежье / Abroad	13,61	13		8	11	11
Наука / Scientists	6.35	10	6	6	7	6
Герои комп. игр / Heroes of computer games	9.023	10	6	4	10	10
Политика / Policies	7.15	8	6	5	6	

Бизнес / Businessmen	5.28	6		4		3
Различия со средним % по общей выборке. Стью- дент-тест / Differences with the average % of the total sample. Student-test		p=0,007				
Значимость различий с идеалом-э- талоном по Стьюдент-тесту / The significance of differences with the ideal on the Student test, p=			0,008	0,003	0,007	0,005

На рисунке 3 представлено сравнение модусов по частоте атрибутов, преобладающих для идеалов.

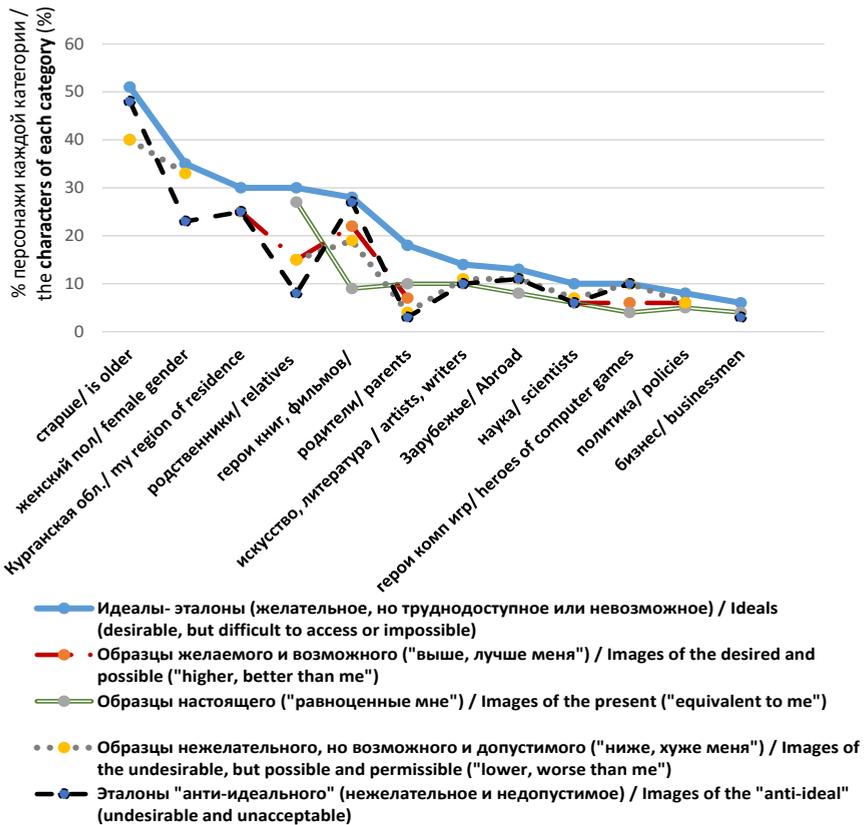

Рис. 3. Социальные атрибуты, имеющие наибольшую частоту в категории идеалы

Fig. 3. Social attributes with the highest frequency in the category of ideals

Далее представлена другая тенденция – сниженная частота социально-ролевых и институциональных атрибутов у идеалов-эталонов по сравнению с другими категориями персонализированных образов (табл.3, рис. 4). Меньшая частота будет говорить о сравнительно невысоком потенциале соответствующих социальных групп, в репрезентации ценностей и идеалов студенческой молодежи.

Таблица 3

Социально-ролевые и институциональные атрибуты персонализированных образов сознания, имеющие меньшую частоту в категории идеалов-эталонов

Table 3

Socio-role and institutional attributes of personalised images of consciousness that have a lower frequency in the category of ideals

Наименование социальной роли (группы, института) / The name of the social role (group, institute)	% от общего кол-ва персонализированных образов / % of the total number of personalized images	Частота социально-ролевых и институциональных атрибутов по отношению к количеству персонажей для каждой категории (%) / Frequency of socio-role and institutional attributes in relation to the number of images for each category (%)				
		Идеалы-эталоны (желаемое, но труднодоступное или невозможное) / Ideals (desirable, but difficult to access or impossible)	Образы желаемого и возможного ("выше, лучше меня") / Images of the desired and possible («higher, better than me»)	Образы настоящего ("равноценные мне") / Images of the present («equivalent to me»)	Образы нежелательного, но возможного и допустимого ("ниже, хуже меня") / Images of the undesirable, but possible and permissible («lower, worse than me»)	Эталоны "анти-идеального" (нежелательное и недопустимое) / Images of the "anti-ideal" (undesirable and unacceptable)
Старше / Older	43,80	51	55			
Мужской пол/ Male gender	49,40	45	53	49	47	63
Женский пол/ Female gender	31,90	35	39	38		
Курганская область / Kurgan region	27,90	30		40	32	
Не старше/ Is not older	19,90	18	22	29	22	22

Друзья/ Friends	18,00	17	22	27		
Одноклассники (студенты)/ Classmates (students)	19,70	13	27	31	23	21
Зарубежье/ Abroad	13,60	13	16			
Спорт / Athletes	9,60	8		11	12	
Политика / Policies	7,20	8				16
Армия / Army	7,10	6		7	7	16
Шоу-бизнес/ Showmen	7,20	5	9		9	
Бизнес/ Businessmen	5,30	6	9			
Работники школы, вуза/ School, university employees	3,30	5	5	2	4	5
Различия со средним % по общей выборке (Стьюдент-тест) / Differences with the average % of the total sample (Student test)		p=0,7612				
Значимость различий с идеалом-эталоном по Стьюдент-тесту / The significance of differences with the ideal (Student test, p=)			0,003	0,018	0,025	0,023

На графике (рисунок 4) представлено сравнение модусов по частоте атрибутов, имеющих наименьшую частоту для идеалов.

3. *Ценностное содержание идеалов-эталонов в соотношении с другими оценочно-регулятивными категориями.* В табл. 4 и на рис. 5 список ценностей упорядочен от большей к меньшей частоте соответствующих характеристических признаков. Как видим, этот порядок имеет во многом общий для всех изучаемых категорий. Распределение частоты эмоционально-ценностных атрибутов отражает структуру личностных ценностей по их актуальности для респондентов.

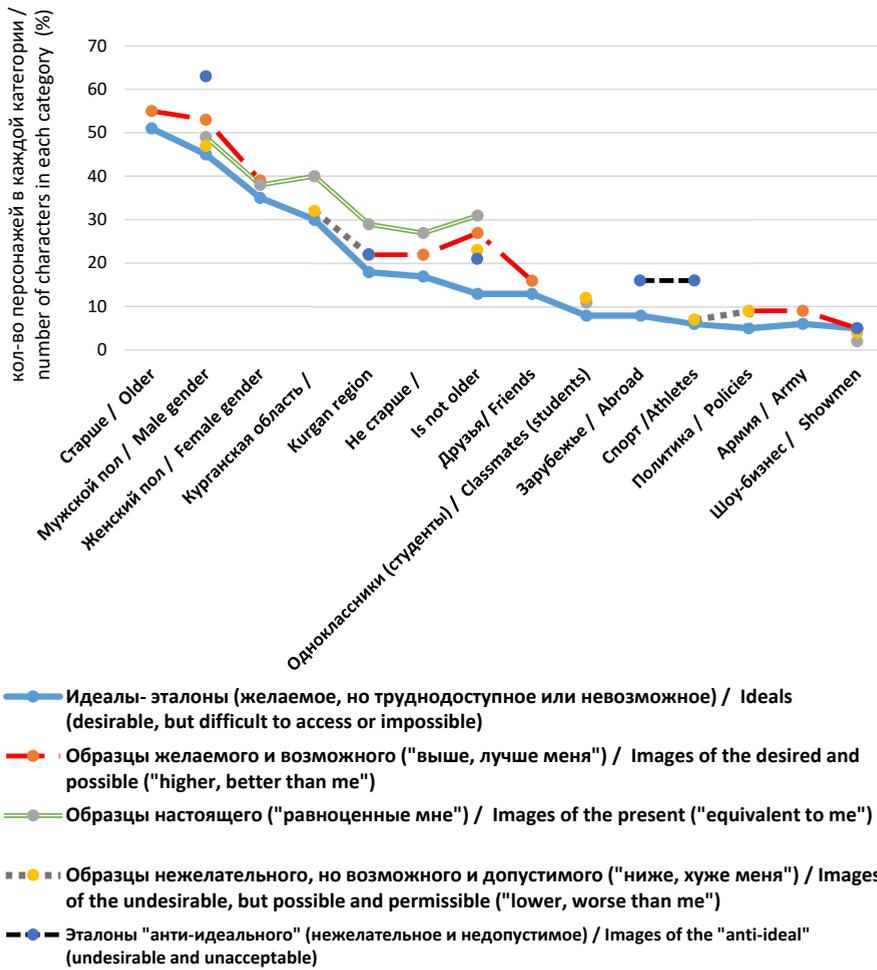

Рис. 4. Социальные атрибуты, имеющие наименьшую частоту в категории идеалы

Fig. 4. Social attributes with the lowest frequency in the category of ideals

Таблица 4

Ценности, отраженные в характеристических признаках (n= 14096)
персонализированных образов сознания студентов

Table 4

Values reflected in the characteristic features (n=14096) of personalised
images of students' consciousness

Категория содержания ценностей /Contents of values	Частота характеристических признаков для персонализированных образов пяти категорий по отношению к кол-ву образов в каждой категории (%) / Frequency of characteristic features for personalised images of five categories in relation to the number of images in each category (%)				
	Идеалы-эталоны (желаемое, но труднодоступное или невозможное) / Ideals (desirable, but difficult to access or impossible)	Образцы желаемого и возможного ("выше, лучше меня") / Images of the desired and possible («higher, better than me»)	Образцы настоящего ("равноценные мне") / Images of the present («equivalent to me»)	Образцы нежелательного, но возможного и допустимого ("ниже, хуже меня") / Images of the undesirable, but possible and permissible («lower, worse than me»)	Эталоны "анти-идеального" (нежелательное и недопустимое) / Images of the "anti-ideal" (undesirable and unacceptable)
Коммуникативные / Communication	45	59	71	84	31
Альтруистические / Altruistic	48	57	51	54	34
Гностические / Gnostic	27	44	26	42	19
Глорические / Gloria, Success	18	27	13	25	11
Пугнические / (Pugna) Struggle and risk	16	18	12	18	8
Практические / Practical	15	26	22	36	9
Физические данные / Physical features	14	18	13	24	9
Гедонические / Hedonic	12	16	18	24	4
Эстетические / Aesthetic	7	11	9	17	3
Манеры и нормы / Manners and norms	6	8	11	21	10
Романтические / Romantic	3	6	5	6	6
Эмоциональность / Emotionality	3	3	5	6	5
Акзигитивные / Akizitive	1	3	2	3	3
Недифференцированная оценка /Undifferentiated assessment	17	15	20	26	21

Стьюдент-тест/Student test: f=13, tcr =2.16	3.829	1.665	4.191	2.517
Значимость различий с идеалом- эталоном (Стьюдент-тест) / Significance of differences with the ideal (Student test), p	p=0.002	p=0.120	p=0.001	p=0.026

Ниже на диаграмме представлены частоты признаков, репрезентирующих ценности для идеалов, настоящего, возможного (желаемого и нежелательного) и анти-идеального.

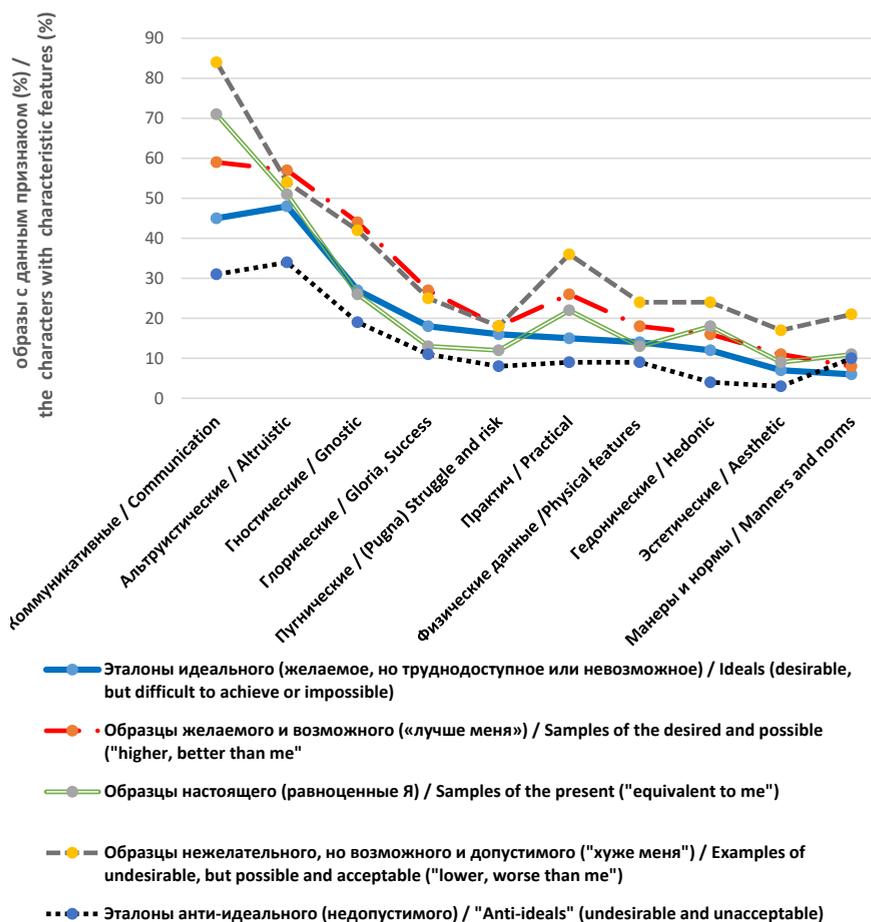

Рис. 5. Частота характеристических признаков в описании пяти категорий персонализированных образов сознания

Fig. 5. Frequency of characteristic features in evaluative and regulatory categories

Обсуждение результатов

Ответ на первый исследовательский вопрос (о сравнительной актуальности образов-идеалов для студентов) получим, сравнивая частоту свободного воспроизведения образов каждой категории. Так, идеалы-эталонные составляют 7,9 %, а анти-идеалы – 5,6 % всех персонажей, присутствующих в актуальном сознании респондентов. Ранее нами установлено, что преобладание идеалов над анти-идеалами связано с социализированностью (So) по СРІ [26]. Также идеалы-эталонные появляются в сознании вдвое реже образов настоящего («равноценных Я») (15,4 %). Значительная доля последних свидетельствует об «укорененности» респондентов в настоящем, об отсутствии чувства собственной исключительности, о чувстве «обычности» [26]. Кроме того, идеалы-эталонные по количеству втрое уступают образцам желаемого-возможного (21,9 %). Мы интерпретируем преобладание конкретных «образцов» как признак эффективной структуры регуляции поведения, в котором конкретные образцы – это образцы способов действий, что согласуется с выводами D. Oyserman [7].

Актуальность идеалов (7,9 %) в наибольшей степени уступает модусу возможного-нежелательного (44,9 %). То есть мысли о нежелательном и ненужном преобладают в образе социального мира, ориентируют студентов на предотвращение нежелательного в социальном поведении. Каждый образец нежелательного, но возможного несет в себе результат негативного сравнения с «Я» и мотив «не быть таким, как...». Мотивация «не быть таким, как...» в текущем поведении студентов, вероятно, встречается вдвое чаще, чем «быть таким, как...». Вероятно, соотношение негативных и позитивных образцов в индивидуальном сознании соответствует балансу социальной регуляции – соотношению социального осуждения и социального одобрения в опыте респондентов. Кроме того, в образах возможного-нежелательного сосредоточен опыт обесценивания: опыт личных неудач и жизненных выборов, когда многое приобретает статус второстепенного или ненужного. При этом образы остаются положительными, например, «веселыми», «прикольными», но оцениваются «ниже меня». На фоне социального сравнения с теми, кто «хуже меня», самооценка сохраняет позитивность и необходимую стабильность. Учтем, что 56,9 % студентов имеют завышенную самооценку.

Преобладание негативно-оценочного контроля и тенденция к утверждению самооценности за счет нисходящего социального сравнения может иметь особое значение в социализации человека для большинства культур. Косвенно на это указывает работа D. Oyserman, которая показала значимость возможного-негативного «Я» у американских учащихся [6]. Преобладание образцов возможного-нежелательного не говорит о пессимизме

студентов, поскольку в целом 66,9 % образов других людей студенты оценивают «выше среднего». Баланс оценок «выше среднего» мы интерпретируем как позитивное мировосприятие в данной выборке.¹

Данные о высокой индивидуальной вариативности пропорции «модусов бытия», в частности, тот факт, что у 41 % респондентов не было образов, близких к «идеалам», также может иметь двойную интерпретацию. С одной стороны, это указывает на отсутствие идеалов, скептицизм, на культурную ограниченность, когда студент просто не знаком с вдохновляющими жизнеутверждающими образами. Близкие выводы об идеалах и ценностях современной молодежи были сделаны Н. М. Сафоновой с соавторами, обнаружившими, что более трети детей и молодежи не имеют видения будущего [27]. В. Карачаровский и О. Шкаратан также отмечают значительную неопределенность и расплывчатость структуры индивидуальных жизненных целей и констатируют утилитарные цели и ориентации в том числе и среди молодежи [28]. Другое объяснение отсутствия образов-идеалов – это преобладание у части студентов абстрактного, высшего уровня мышления, когда идеалы существуют в форме принципов и абстрактных понятий. Высшая форма идеалов предполагает убеждение, что любой человек или персонаж не является совершенством, конкретный «другой» не может быть идеалом-эталоном.

Разные варианты интерпретации не отменяют важности поиска статистических обобщений, статистических норм, с которыми мы могли бы сравнивать показатели разных групп в различных ситуациях. Как было показано выше на примере профилактики криминогенного поведения [13, 14], чем чаще мысленное обращение к идеальному, тем выше его регулятивные возможности. Поэтому полученные нами статистические показатели частоты мысленного обращения к идеалам в условиях ситуации неопределенности могут использоваться далее в сравнительных исследованиях идеалов.

Ответ на второй исследовательский вопрос представлен двумя группами данных.

Во-первых, социально-ролевая и институциональная специфика идеалов четко выражена в образе мира студентов. Можно выделить всего три атрибута: «родственники», «родители» и «наука», по которым идеалы-эталоны имеют более высокую частоту во всех попарных сравнениях. Поэтому можно считать, что эти три группы составляют специфику идеалов-эталонов у студенческой молодежи, хотя образы родственников почти столь же типичны для модуса настоящего. В сфере родственных отношений идеальное и реальное (настоящее) практически совпадает.

---

¹ Отметим, что данное соотношение оценок соответствует «золотому сечению», что порождает вопросы для последующих исследований.

Идеализация членов семьи очень показательна. Студенты, ориентированные на семью, несомненно, более стабильны в своем социальном развитии и обеспечивают преемственность ценностей между поколениями. Наши результаты соответствуют разнообразию идеалов из исследования И.В. Егорова, который в типажи идеалов, наряду с политиками и общественными деятелями, представителями кино, эстрады, спорта, литературы, философии, пророками и святыми, включил семью как наиболее типичную категорию идеалов подростков [29].

Преподаватели в равной степени (по 5 %) представлены и в идеалах, и в образах возможного-желаемого, и в образах анти-идеалов. Вдвое реже (2,5 %) студенты связывают своих преподавателей с настоящим. Образование в модусе настоящего у студентов – это, как правило, образы студентов, своих ровесников, общение с ними. Таким образом, «образование – обучение», и само «студенчество» как образ жизни имеет разный смысл для студентов в модусах настоящего, желательного-возможного, идеального и анти-идеального. Противоречия между модусами объясняют индивидуальные различия в отношении студентов к образованию, а также коллизии, возникающие у студентов в процессе учебы.

Герои книг и фильмов являются специфичными по своей актуальности как для идеалов, так и для анти-идеалов. Характерными для идеалов, в отличие от анти-идеалов, являются образы старших людей и женские образы – носители культурных и гуманитарных ценностей. Анти-идеалы чаще представлены мужскими образами ровесников (табл. 3, рис. 4).

Анализ социально-ролевых и институциональных атрибутов, менее свойственных идеалам (табл. 3, рис. 4), показывает явное различие между идеалами-эталоном и образами настоящего (равноценное «Я»). Для идеалов менее характерны «друзья», «одноруппники», относимые к возрасту «не старше», представители спорта и армии, а также местные жители. Сравнение идеалов с образцами возможного показывает, что атрибуты пола и возраста у идеалов отступают на второй план, сознание сосредоточено на более актуальных признаках, эмоционально захватывающих респондентов.

Отметим, что наибольшее количество представителей Курганской области (место проживания респондентов) имеется в категории настоящее, а наибольшее количество представителей Зарубежья – в категории желаемое-возможное, что в некоторой степени может быть связано с обыденными представлениями о привлекательности западных образцов для будущего. Тем не менее, процентное соотношение во всех категориях образов всегда «перевешивает» в сторону своего места проживания по сравнению с «Зарубежьем».

Вторая часть вопроса – это сопоставление содержания ценностей, воплощенных в идеалах и других «модусах бытия» студентов. Здесь получены новые данные об особенностях функционирования системы ценностей.

Мы видим (табл. 4, рис. 5), что ценности, воплощенные в идеалах, представляют полную структуру ценностей студентов, общую для всех модусов. Центральное место в ней занимают коммуникативные и альтруистические ценности. Атрибуты общения (например: веселый/ая, доброжелательный/ая, агрессивный/ая и т.п.) характеризуют 48% образов-идеалов. Атрибуты альтруизма (например: добрая/ый, заботливая/ый, любящая/ий и т.п.) имеют 45 % образов-идеалов. Однако в других модусах соотношение альтруизма и коммуникации по значимости различается. Если в желаемом-возможном данная пропорция наиболее близка к идеалам, то в модусе настоящего и особенно в возможном-нежелательном мы видим резкий перевес коммуникативных характеристик (до 84 % всех образов). Данная пропорция говорит о высокой актуальности общения в текущих ситуациях и в опыте нежелательного. То есть ценности общения – это, скорее, ценности-средства, но не перспективные цели. Альтруистические признаки во всех модусах описывают около или немногим более половины образов других людей, что свидетельствует об устойчивой высшей значимости данной ценности для студентов во всех модусах. Некоторое снижение частоты альтруизма в анти-идеальном происходит, как мы полагаем, за счет возрастания оценок «манеры и нормы», а также за счет недифференцированных оценок – то есть отрицание добра (альтруистичности) студенты описывают глобальными негативными признаками (например: урод, гад).

Следующий устойчивый уровень в иерархии занимают ценности познания (гностические ценности).

Остальные ценности меняют свою актуальность в разных «модусах». Так, в модусе возможного – как желательного, так и нежелательного, – на первый уровень (после центральных ценностей) выходят ценности познания и практики. В модусе настоящего становятся особо актуальными практические и гедонические ценности. Возможное-нежелательное наиболее обширно по количеству и разнообразию ценностных атрибутов, среди которых повышается доля коммуникативных, гедонических признаков и атрибутов нормативности/ ненормативности. Для анти-идеалов третье ранговое место (21 %) занимают недифференцированные оценки (табл. 4). Недифференцированные оценки – признак глобального эмоционального восприятия, которое для анти-идеалов более выражено, чем для идеалов. Следовательно, анти-идеалы являются еще более сильными мотиваторами поведения, чем идеалы. Данный вывод может стать целью последующих исследований.

Обнаруженные функциональные сдвиги ценностной структуры помогают понять различное социальное поведение студентов, разделяющих общие ценности, но живущие либо «настоящим», либо «ближайшими перспективами», либо предотвращением «нежелательного», либо борьбой с «анти-идеалами».

Полученные результаты соотнесения идеалов и других регулятивных категорий во многом являются первыми, и на данном этапе вряд ли можно судить о нормативности полученных данных, о том, насколько оптимальной является выявленная частотная, институциональная, ценностная структура образов других людей в модусах идеального и в его оппозиционных категориях. Однако сама возможность количественной оценки предмета исследования дает начало сравнительным исследованиям в этой области.

Заключение

Отвечая на поставленные в работе исследовательские вопросы, мы приходим к трем основным выводам.

1. Актуальность идеалов как оценочно-регулятивных образований в сознании студентов, измеренная частотой воспроизведения образов-идеалов (7,9 %), превышает только актуальность анти-идеалов (5,64 %), уступая образам настоящего (15,37 %), образам возможного-желаемого (21,9 %) и, в особенности, возможного-нежелательного (44,9 %). При этом 41 % респондентов не указывают в качестве идеала ни одного персонализированного образа другого. Выявленная структура актуального сознания свидетельствует о преимущественной ориентации на средства достижения целей, на тенденцию самоутверждения за счет нисходящего социального сравнения, на преобладание негативного социального контроля в опыте этих студентов. В сочетании с отсутствием образов-идеалов это имеет двоякую трактовку: с одной стороны, возможное отсутствие дальних целей, и подверженность ситуативной мотивации; с другой стороны – формирование высших ценностей абстрактного уровня, для которых трудно найти конкретный образ-идеал.

2. По социально-институциональной специфике идеалы сближаются с настоящим (родители, родственники) и находятся в оппозиции с «далеки-ми» анти-идеалами (виртуальные образы положительных героев, известных личностей). Специфичными категориями для идеалов студентов являются родители, родственники и представители науки, а более характерными половозрастными атрибутами – старший возраст и женский пол.

3. Ценности, воплощенные в *образах-идеалах*, репрезентирует иерархию личностных ценностей студентов: 1) коммуникативные и альтруистические ценности являются центральными, приоритетны во всех «модусах»; 2) гностические ценности занимают первый уровень значимости; 3) на втором уровне – ценности достижения, борьбы и риска, практической деятельности, физических данных, а также комфорта (удовольствия); 4) третий уровень значимости – эстетические и ценности социальной нормативности.

4. Все ценности, кроме центральных, избирательно повышают свою значимость в отдельных «модусах бытия», обуславливая регулятивную спец-

ифику последних. Так, *настоящее* студентов связано с практическими и гедоническими ценностями, а также снижением значимости достижений и преодоления препятствий. В образах *возможного-желаемого* студенты ориентированы на познание, практическую деятельность и достижение. *Анти-идеалы*, помимо триады центральных ценностей, имеют недифференцированные негативные оценки и признаки социальной ненормативности.

Полученные усредненные данные представляют интерес для сравнения с другими социальными группами и возрастами молодежи. Следует отметить, что оценочно-регулятивная структура идеального/настоящего/возможного/ анти-идеального студентов обнаруживает значительное индивидуальное разнообразие. Поэтому перспектива исследования будет состоять в выделении основных вариантов данной структуры и в изучении условий их формирования.

Особый интерес мы связываем с предложенным графическим методом оценки идеалов и других оценочно-регулятивных категорий. Предложенный метод позволяет выделить новые способы оценки свойств идеального/ настоящего/возможного и анти-идеального в образе социального мира молодежи. Измерение данных аспектов составит перспективу дальнейшего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Апресян Р. Г. Идеал [Электрон. ресурс] // Новая философская энциклопедия. Москва: Мысль, 2010. Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc06b35a444828ea5d95c> (дата обращения: 22.01.2022).
2. Fogelson R. D. Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumstances and prospects // Psychosocial theories of the self / B. Lee (Ed.). N. Y., L., 1982. P. 67–109. DOI: 10.1007/978-1-4684-4337-0_5
3. Higgins E. T. Self-Discrepancy: A theory relating self and affect // Psychological Review. 1987. № 94 (3). P. 319–340. DOI: 10.1037/0033-295X.94.3.319
4. Higgins E. T. How self-regulation creates distinct values: the case of promotion and prevention decision making // Journal of Consumer Psychology. 2002. № 12 (3). P. 177–191. DOI: 10.1207/S15327663JCP1203_01
5. Markus H., Nurius P. “Possible selves” // American Psychologist. 1986. № 41 (9). P. 954–969. DOI: 10.1037/0003-066X.41.9.954
6. Oyserman D. Pathways to success through identity-based motivation. Oxford: Oxford University Press, 2015. 312 p. DOI: 10.1093/oso/9780195341461.001.0001
7. Oyserman D., Lewis Jr. Seeing the destination and the path: Using identity-based motivation to understand and reduce racial disparities in academic achievement // Social Issues and Policy Review. 2017. № 11 (1). P. 159–194. DOI: 10.1111/sipr.12030
8. Oyserman D., Dawson A. Identity-based motivation and the paradox of the future self: Getting going requires thinking about time (later) in time (now) // Behavioral and Brain Sciences. 2019. № 42. e269. DOI: 10.1017/S0140525X19000633

9. Urminsky O. The role of psychological connectedness to the future self in decisions over time // *Current Directions in Psychological Science*. 2017. № 26 (1). P. 34–39. DOI: 10.1177/0963721416668810
10. Hershfield H. E. The Self over time // *Current Opinion in Psychology*. 2019. № 26. P. 72–75. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.06.004
11. Василевская Е. Ю., Молчанова О. Н. Возможные Я: Обзор зарубежных исследований // *Психология. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 13 (4). С. 801–815. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-4-801-815
12. Haskins L. B., VanDellen M. R. Self-regulation as relating to one's ideal possible self // *Social and Personality Psychology Compass*. 2019. № 13 (10). e12499. DOI: 10.1111/spc3.12499
13. Wu W. H., Cheng W., Chiou W. B. Episodic future thinking about the ideal self induces lower discounting, leading to a decreased tendency toward cheating // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. e287. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00287
14. Wainwright L., Nee C., Vrij A. “I don't know how, but i'll figure it out somehow”: future possible selves and aspirations in “at-risk” early adolescents // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2016. № 62 (2). P. 504–523. DOI: 10.1177/0306624X16665182
15. Nurra C., Oyserman D. From future self to current action: An identity-based motivation perspective // *Self and Identity*. 2018. № 17 (3). P. 343–364. DOI: 10.1080/15298868.2017.1375003
16. Oettingen G., Mayer D. The motivating function of thinking about the future: Expectations versus fantasies // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 83 (5). P. 1198–1212. DOI: 10.1037/0022-3514.83.5.1198
17. Horowitz E., Oyserman D., Dehghani M., Sorensen N. Do you need a roadmap or can someone give you directions: When school-focused possible identities change so do academic trajectories // *Journal of Adolescence*. 2019. № 79. P. 26–38. DOI: 10.1016/j.adolescence.2019.12.013
18. Lee J. Unveiling the relationships among adolescents' persistent academic possible selves, academic self-concept, self-regulation, and achievement: A Longitudinal and Moderated Mediation Study // *Self and Identity*. 2021. Published online: 30 May 2021. DOI: 10.1080/15298868.2021.1930578
19. Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Политически активная молодежь: стратегии политического участия в контексте образа социального будущего // *Logos et Praxis*. 2019. № 18 (3). С. 88–101. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.10
20. Гаврилюк В. В., Мехришвили А. Л., Скок Н. И., Садыкова Х. Н., Фарахутдинов Ш. Ф., Маленков В. В., Гаврилюк Т. В., Сотков О. А. Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография. Тюмень: ТИУ, 2016. 166 с.
21. Frazier L. D., Schwartz B. L., Metcalfe J. The MAPS model of self-regulation: Integrating metacognition, agency, and possible selves // *Metacognition and Learning*. 2021. № 16. P. 297–318. DOI: 10.1007/s11409-020-09255-3
22. Николаева И. А. Социальная ситуация развития в образе социального мира подростка. Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2009. 148 с.
23. Ильенков Э. В. Об идолах и идеалах [Электрон. Ресурс]. М.: Политиздат, 1968. 324 с. Режим доступа: <https://archive.org/details/B-001-026-742-ALL/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 04.08.2021).

24. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // *Self and Identity*. 2015. № 14 (2). P. 173–188. DOI: 10.1080/15298868.2014.965733

25. Николаева И. А., Зайнулина Ю. И. Образы других в сознании педагогов, проживающих в городе, селе и северном поселении. // *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 70. С. 131–154. DOI: 10.17223/17267080/70/10

26. Николаева И. А., Зайнулина Ю. И. Ценностное отношение и личностные качества педагога // *Психологическая наука и образование PSYEDU.ru*. 2016. № 8 (1). С. 11–23. DOI: 10.17759/psyedu.2016080102

27. Safonova N. M., Potanina A. V., Sinichkina A. A. Goal-setting and Ideal Activity Patterns as Basis for Children and Youth Vision of Future // *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. № 7 (8). P. 202–209.

28. Карачаровский В. В., Шкаратан О. И. Разные цели одного общества [Электрон. ресурс] // *Социологические исследования*. 2019. № 1. С. 5–17. Режим доступа: <https://ras.jes.su/socis/s013216250003743-0-1> (дата обращения: 05.12.2021). DOI: 10.31857/S013216250003743-0

29. Егоров И. В. Идеалы молодежи как основания психосоциальной типологии личности // *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология*. 2018. № 51. DOI: 10.15382/sturIV201851.97-113

References

1. Apresyan R. G. Ideal = Ideal. In: Stepin V. S. (Chairman of the sc. eds.) *Novaja filofsokaja jenciklopedija = The new philosophical encyclopedia* [Internet]. Moscow: Publishing House Mysl'; 2010 [cited 2022 Jan 22]. Available from: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH015cc06b35a444828ea5d95c> (1 Russ.)

2. Fogelson R. D. Person, self and identity. Some anthropological retrospects, circumstances and prospects. In: B. Lee (Ed.). *Psychosocial theories of the self*. N.Y., L.; 1982. p. 67–109. DOI: 10.1007/978-1-4684-4337-0_5

3. Higgins E. T. Self-discrepancy: A theory relating self and affect. *Psychological Review*. 1987; 94 (3): 319–340. DOI: 10.1037/0033-295X.94.3.319

4. Higgins E. T. How self-regulation creates distinct values the case of promotion and prevention decision making. *Journal of Consumer Psychology*. 2002; 12 (3): 177–191. DOI: 10.1207/S15327663JCP1203_01

5. Markus H., Nurius P. Possible selves. *American Psychologist*. 1986; 41 (9): 954–969. DOI: 10.1037/0003-066X.41.9.954

6. Oyserman D. *Pathways to success through identity-based motivation*. Oxford: Oxford University Press; 2015. 312 p. DOI: 10.1093/oso/9780195341461.001.0001

7. Oyserman D., Lewis Jr. Seeing the destination and the path: Using identity-based motivation to understand and reduce racial disparities in academic achievement. *Social Issues and Policy Review*. 2017; 11 (1): 159–194. DOI: 10.1111/sipr.12030

8. Oyserman D., Dawson A. Identity-based motivation and the paradox of the future self: Getting going requires thinking about time (later) in time (now). *Behavioral and Brain Sciences*. 2019; 42: e269. DOI: 10.1017/S0140525X19000633

9. Urminsky O. The role of psychological connectedness to the future self in decisions over time. *Current Directions in Psychological Science*. 2017; 26 (1): 34–39. DOI: 10.1177/0963721416668810

10. Hershfield H. E. The self over time. *Current Opinion in Psychology*. 2019; (26): 72–75. DOI: 10.1016/j.copsyc.2018.06.004
11. Vasilevskaya E., Molchanova O. Possible selves: Review of international studies. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016; 13 (4): 801–815. DOI: 10.17323/1813-8918-2016-4-801-815 (In Russ.)
12. Haskins L. B., VanDellen M. R. Self-regulation as relating to one's ideal possible self. *Social and Personality Psychology Compass*. 2019. 13 (10): e12499. DOI: 10.1111/spc3.12499
13. Wu W. H., Cheng W., Chiou W. B. Episodic future thinking about the ideal self induces lower discounting, leading to a decreased tendency toward cheating. *Frontiers in Psychology*. 2017; 8: e287. DOI: 10.3389/fpsyg.2017.00287
14. Wainwright L., Nee C., Vrij A. “I don't know how, but I'll figure it out somehow”: Future possible selves and aspirations in “at-risk” early adolescents. *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2018; 62 (2): 504–523. DOI: 10.1177/0306624X16665182
15. Nurra C., Oyserman D. From future self to current action: An identity-based motivation perspective. *Self and Identity*. 2018; 17 (3): 343–364. DOI: 10.1080/15298868.2017.1375003
16. Oettingen G., Mayer D. The motivating function of thinking about the future: Expectations versus fantasies. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002; 83 (5): 1198–1212. DOI: 10.1037/0022-3514.83.5.1198
17. Horowitz E., Oyserman D., Dehghani M., Sorensen N. Do you need a roadmap or can someone give you directions: When school-focused possible identities change so do academic trajectories. *Journal of Adolescence*. 2019; 79: 26–38. DOI: 10.1016/j.adolescence.2019.12.013
18. Lee J. Unveiling the relationships among adolescents' persistent academic possible selves, academic self-concept, self-regulation, and achievement: A longitudinal and moderated mediation study. *Self and Identity*. Published online: 2021 May 30. DOI: 10.1080/15298868.2021.1930578
19. Didkovskaya Y. V., Trynov D. V. Politically active youth: Strategies of political participation in the context of the social future image. *Logos et Praxis*. 2019; 18 (3): 88–101. DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.10 (In Russ.)
20. Gavrilyuk V. V., Mehrishvili L. L., Skok N. I., Sadykova H. N., Farakhutdinov Sh. F., Malenkov V. V., Gavrilyuk T. V., Sotkov O. L. Obraz budushhego v ocenkah novogo po-kolenija rossijan = The image of the future in the assessments of the new generation of Russians. Tyumen: Industrial University of Tyumen; 2016. 166 p. (In Russ.)
21. Frazier L., Schwartz B., Metcalfe J. The MAPS model of self-regulation: Integrating metacognition, agency, and possible selves. *Metacognition and Learning*. 2021; 16: 297–318. DOI: 10.1007/s11409-020-09255-3
22. Nikolaeva I. A. Social'naya situaciya razvitiya v obraze social'nogo mira podrostka = The social situation of personality development in the adolescent's image of the social world. Kurgan: Publishing House of the Kurgan State University; 2009. 148 p. (In Russ.)
23. Ilyenkov E. V. Ob idolah i idealah = About idols and ideals [Internet]. Moscow: Publishing House Politizdat; 1968 [cited 2021 Aug 08]. 324 p. Available from: <https://archive.org/details/B-001-026-742-ALL/page/n5/mode/2up> (In Russ.)
24. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: Possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and Identity*. 2015; 14 (2): 173–188. DOI: 10.1080/15298868.2014.965733
25. Nikolaeva I. A., Zajynulina Yu. I. The images of the people in the mind of teachers

from urban areas, countrysides, and from the northern settlement. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal = Siberian Journal of Psychology*. 2018; 70: 131–154. DOI: 10.17223/17267080/70/10 (In Russ.)

26. Nikolaeva I. A., Zainulina Yu. I. Valuable attitude and personal qualities of the teacher. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru = Psychological Science and Education PSYEDU.ru*. 2016; 8 (1): 11–23. DOI: 10.17759/psyedu.2016080102 (In Russ.)

27. Safonova N. M., Potanina A. V., Sinichkina A. A. Goal-setting and ideal activity patterns as basis for children and youth vision of future. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018; (7) 8: 202–209.

28. Karacharovskiy V., Shkaratan O. Different goals of the same society. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2019; (1): 5–17. DOI: 10.31857/S013216250003743-0 (In Russ.)

29. Egorov I. Ideals of young people as foundations of psychosocial typology of the person. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya = St. Tikhon's University Review. Pedagogy. Psychology*. 2018; 51: 97–113. DOI: 10.15382/sturIV201851.97-113 (In Russ.)

Информация об авторе:

Николаева Ирина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и здоровьесбережения Института развития образования и социальных технологий; ORCID 0000-0002-6352-1554; Курган, Россия. E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 17.08.2021; поступила после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 09.03.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Irina A. Nikolaeva – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology and Health Preservation, Institute for the Development of Education and Social Technologies; ORCID 0000-0002-6352-1554; Kurgan, Russia. E-mail: nikolaeva-irina@yandex.ru

Conflict of interest statement. The author declares that there is no conflict of interest.

Received 17.08.2021; revised 27.02.2022; accepted for publication 09.03.2022.

The author has read and approved the final manuscript.